

Идеология неолиберализма в России: последствия и перспективы

© С.А. Соболева

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

В статье рассматривается применение принципов неолиберализма в России в постсоветский период, анализируются последствия такого применения в экономической, политической, социальной и духовной сферах общественной жизни. Автор пытается показать, что данная идеология не обеспечивает дальнейшего развития страны как сильной, суверенной державы, а, напротив, ведет страну к упадку и деградации. Автор также обосновывает необходимость единой, россияцентричной идеологии в качестве государственной.

Ключевые слова: государственная идеология, неолиберализм, глобальный неокOLONIALИзм, протестантизм, Просвещение.

Результаты различных социологических опросов показывают, что достигнут общественный консенсус: России необходима государственная идеология. Существуют различные исследования, дающие небольшие вариации цифр. Но все опросы говорят примерно об одном и том же: более 90 % российского населения считает введение государственной идеологии целесообразным. Поэтому на следующем этапе дискуссии необходимо решить, какая именно идеология нужна России.

Если взглянуть на различные исторически значимые идеологии, то обнаружится их геополитическая адаптированность. Выдвигаемые идеологические доктрины выражали, прямо или опосредованно, позицию определенного геополитического субъекта. За национал-социализмом стояла геополитическая позиция Германии, за маоизмом — Китай, за либерализмом — стран англосаксонского мира и т. д. Поэтому нужна не просто идеология, а *идеология суверенная*.

Подсчет преобладающих в разных странах мира идеологий приводит к следующим результатам. Удельный вес идеологии консерватизма в общей численности стран мира составил 39 %, социализма — 24 %, либерализма — всего 11 %. Казалось бы, мировой геополитический центр несет идеологию либерализма. Но остальной мир все определеннее приходит к пониманию того, что *на основе либерализма нельзя выстраивать жизнеспособные национальные модели, невозможно фактически осуществлять социальные сборки*. Либерализм как учение имеет сравнительно невысокую популярность. В большей степени можно говорить не об артикуляции идеологии ли-

берализма, а о восприятии его положений как чего-то само собой разумеющегося, вхождения его в природу вещей.

Почему при наличии множества западных течений в качестве идеологического ядра антироссийских сил был взят либерализм? Именно он оказался целиком идентичен западоцентричности. Не продуцируя какое-то основание для социальной сборки, либерализм был использован как инструмент реализации западоцентричной политики. Собственно западоцентризм и был идеологическим фундаментом, а либерализм — одной из его производных. Запад как геополитический противник России навязывает ей либеральное устройство, фундаментально противоречащее традиционным российским системам жизнеустройства. Содержание либеральной политики можно условно определить как «курс 12 Д»: десоциализация, деэлитизация, дезинтеграция, деавтаркизация, деидеологизация, деидентификация, денационализация, демонетизация, децентрализация, деиндустриализация, детрадиционализация, десакрализация [1]. По сути дела, речь шла о демонтаже любых скреп, обеспечивающих существование российской государственности. То есть была сознательно использована такая идеология, которая вела бы к подрыву жизнеспособности геополитического противника. Через идеологический экспорт Запад осуществлял колонизацию России.

Почему же все-таки нельзя принять западный зонтик, встать под западное знамя? Может быть, принятие позиции сильного обеспечит соответствующую защиту с его стороны? Действительно, такой подход может оказаться рациональным по отношению к каким-то малым государствам. Но он принципиально неприемлем для России уже хотя бы потому, что *антироссийскость* является одним из парадигмальных компонентов западного идеологического строительства в любой из его основных версий.

Россия всегда была препятствием для реализации любой из продуцируемых Западом идеологических доктрин, восходящих к общему для них целевому ориентиру — *мировому господству*. Идея мирового господства постоянно присутствовала на Западе как в дискурсе, так и в политической практике. Россия же выступала в качестве основного препятствия для реализации этого проекта. И, по проектной логике, это препятствие должно быть устранено. В современном мире для этого используется, прежде всего, идеология глобального неокOLONIALИЗМА, которая борется с независимыми государствами, стремясь лишить их суверенитета, превратить в зависимые от Запада территории, т. е. колонии.

Главной особенностью, отличающей неокOLONIALИЗМ от классического колониализма, является то, что управляют страной представители коренной нации, составляющие правящую элиту, но управля-

ет она, как и при традиционном колониализме, в интересах метрополии. Управление это не столь жестко и линейно в политическом отношении, но политическое управление дополняется не менее эффективным экономическим управлением посредством международных организаций и ТНК. Глобальный характер современной неокOLONиальной системы определяется тем, что в отличие от традиционного колониализма формируется единая метрополия, осуществляющая руководство всеми колониями. При этом глубинная суть взаимоотношений метрополии и колоний остается неизменной. Глобальное управление со стороны метрополии неокOLONиальными странами ведет к потере ими политического суверенитета, периферийности их экономики, уменьшению численности населения, снижению обороноспособности, засилью чуждой местным традициям массовой культуры, идущей из метрополии. Основные признаки неокOLONии: отсутствие науки и высоких технологий; низкие продолжительность и качество жизни населения; ориентированное на подготовку узких и недалеких специалистов образование; потребление населением продуктов в соответствии с более низкими стандартами; примитивный уровень медицины; вынужденность политических решений в интересах метрополии; выкачивание сырьевых и духовных ресурсов; желание жителей неокOLONий эмигрировать и посылать своих детей учиться и жить в метрополию и т. д.

Что можно этому противопоставить, учитывая громадный перевес сил на стороне глобального неокOLONиализма, имеющего превосходство в военной, экономической, технологической, культурной и информационной областях? Как должны бороться государства мира с идеологией глобального неокOLONиализма, который хочет лишить их независимости? Прежде всего, созданием *собственных государственных идеологий*.

Идеология была, есть и остается краеугольным камнем культурных и духовных основ существования любого общества, местом его силы, итогом развития его самосознания, средством консолидации и культивирования коллективных сущностей социума. Это не тот феномен, от наличия или отсутствия которого совершенно не пострадает общество, а такой, *без которого вообще нет общества*. Идеология есть ценностная сфера общественного и индивидуального сознания с многообразными и в принципе незаменимыми функциями, особенно в сфере политики. Именно в ней любой субъект «нуждается в идеологии как в средстве духовного сплочения и руководства, которое направляет поведение людей в сфере политических отношений, формирует волю, стремление к политическому действию, мобилизует их активность, способствует социальной интеграции групп, вовлеченных в политическое действие или готовящихся к нему» [2, с. 204].

Тем удивительнее ситуация идеологического абсурда, в которой оказались и страна, и нация после августа 1991 г. года или, если воспользоваться физическими аналогиями, ситуация идеологического вакуума. В своих физических свойствах вакуум — явление крайне нестабильное, из которого спонтанно может появиться все что угодно. Он принципиально не прогнозируем в своем поведении.

Все эти свойства физического вакуума многократно усиливаются процессами вакуумизации социальной реальности и прежде всего ее идеологической составляющей, когда поведение общественного организма доводится до состояния, близкого к хаотическому, в силу идеологической хаотизации его сознания. При этом «внутренние, моральные основы человеческого поведения заменяются внешними, формальными, а сдерживающие нормативные начала ослабляются. Тем самым активизируются разрушительные потенции, скрытые в глубинах человеческой психики. Свобода оказывается “даром данайцев”» [3, с. 261].

Определяющую роль во всех этих процессах хаотизации сыграла идея тотальной деидеологизации общества. Она стала частью общего проекта цивилизационного переворота в России, слома базовых структур ее исторической и национальной идентичности в конце XX столетия. Эта идея была доведена до абсурда, до идеи преодоления идеологии вообще. Естественно, это не удалось и никогда не удастся воплотить, но сделано было главное: обществу был навязан запрет на различие и оценку общественных явлений и идей с точки зрения истины и лжи, добра и зла, справедливости и несправедливости, закона и беззакония, нормы и патологии, святости и греха. Больше и хуже того, под всю эту гремучую вселенскую смесь, разрушающую все формы нормального проявления здорового сознания, была подведена даже философская идейно-теоретическая база, отдающая свойствами крайнего декаданса, вплотную граничащего с диагнозами клиники. Каковы ее самые распространенные проявления?

Отрицание наличия любой иерархии в любых ценностях, даже в нравственных, провозглашение их абсолютной относительности и даже виртуальности. Более того, в культуре вообще была предпринята попытка превратить ценности в антиценности, а антиценности — в основные, доселе «скрытые» ценности. Всяческие патологии и явные аномалии, будь то феномен безумия, сексуальные извращения или культурные маргиналии, начали приобретать статус «сверхценностей» и норм «истинного» бытия.

Истина трактуется как вредная и подавляющая свободу «метафизическая фикция», ибо образы мира и виды знания в головах людей неизбежно субъективны, а потому и неизбежно плюралистичны. Стремление же какого-либо знания (даже логико-математического!)

претендовать на статус истинного есть знак его тоталитарных претензий на власть и господство — на право быть единственной точкой отсчета адекватного понимания реальности. Что категорически недопустимо в истинно демократическом обществе, которое живет многообразием точек зрения, самым правом на их существование, а не сведением их к единому основанию. В этом смысле истина гораздо менее демократична, чем противостоящие ей ложь, заблуждения, предрассудки, иллюзии и прочие интеллектуальные мнимости. Потому что их много и они могут до бесконечности конкурировать друг с другом в пространстве плюральности, образовывать немыслимые комбинации, постоянно меняться в зависимости от конъюнктуры и убедительности оппонента, но главное — *не претендовать на какой-то обязывающий статус* — онтологический, логический, экономический, социально-политический, духовный.

А истина, как правило, одна и обладает, ко всему прочему, подозрительной неуступчивостью. Уже только поэтому объективную истину нельзя допускать в пространство гражданского демократического общества, ибо она одна способна перевесить весь фантазмагорический калейдоскоп мнений и интеллектуальной вкусовщины и потребовать безоговорочной капитуляции от тех, кому она не в радость. Так развязывается беспрецедентная оргия деградации человека — разложение его в иллюзиях. Так рождается человек, готовый от имени либерального разума презреть и растерзать истину. Но человек, готовый к такому обращению с истиной, готов презреть и растерзать весь мир.

Отсюда, из такой либеральной трактовки истины, вытекает и новое требование — безграничной толерантности. Она стала ключевым словом новой либеральной идеологии, которая за предпосылку толерантности почему-то стала выдавать абсолютное безразличие к ценностям. Этому весьма способствовала, в частности, и моральная переинтерпретация знаменитого правового принципа: «разрешено все, что не запрещено законом», призванного, казалось бы, только к одному — легитимизировать правовое поле активности, еще не освоенное правовым сознанием. Но ему намеренно было придано значение, заметно превосходящее его правовой смысл и статус. Он стал трактоваться еще и как моральный принцип. В итоге получилось нечто неожиданное, но весьма устраивающее борцов с «догматикой традиционной авторитарности»: все, что не запрещено законом, оказывается, не подлежит запретам и осуждению не только правовым, *но и моральным сознанием*. Так было размыто пространство, в котором свободу действия получили чуть ли не любые нормы и критерии. Оно оказалось пространством без выраженных ограничений и пределов для действия любых социально-политических и духовных сил, с любыми целями, ценностями и смыслами.

В такой ментальной обстановке обнаружилось неизбежное: прокламируемая толерантность оказалась до удивления избирательной, терпимой в первую очередь именно к социальному пороку и духовным отклонениям. И это не случайно, ибо конечная цель, которая в данном случае преследовалась, в том и состояла, чтобы морально разоружить моральных. Через идею безбрежной толерантности втолкнуть общество в пространство неограниченных разрушений не просто прежних, а по сути — вечных моральных норм и культурных устоев, а также стоящих за ними ценностей национальной идентичности. Но безграничная толерантность ко всему девиантному в человеке и обществе — это только часть проекта идеологии новой толерантной распушенности.

За ним стоят куда более социально и политически реалистичные силы, озабоченные отнюдь не правами сексуальных меньшинств и публичным смакованием различного рода социальных и ментальных патологий. Во всяком случае, озабоченные не только этим. Речь идет о новой стратегии новых социальных сил истории, сознательно развязывающих себе руки для новых теневых экономических, социально-политических и культурных практик, легитимирующих тотальную коррупцию, гражданскую безответственность, стяжательские инстинкты и даже предательство национальных интересов и святынь с помощью идеологии безбрежной толерантности. В связи с этим, похоже, терпимость к персоналистическим отклонениям нужна лишь для того, чтобы довести ее до терпимости к отклонениям экономического, социально-политического и культурного порядка. Сделать моральную патологию и социальные отклонения признаком нормы.

И с позиций безграничной толерантности получается так, что все это надо будет терпеть, потому что это часть человеческих свобод, а значит, и право на безграничную вариативность выбора. Надо проявлять чудеса демократической терпимости ко всем экспроприаторским практикам, гражданское согласие с попранием всех социальных прав и гарантий; надо идти на компромиссы с теми, кто требует от вас очередных жертв и нешуточных уступок в пользу себя и своих интересов как держателей власти и собственности. В итоге демократия незаметно превращается в школу для воспитания терпения по отношению к тем, кто с ее помощью навязывает вам приоритет своих интересов над вашими. Странная, но весьма показательная по своей социальной симптоматике асимметрия современной демократии и ее либеральных принципов.

И еще об одном краеугольном камне современного либерализма, с которого, собственно, и начинается либерализм и как философия, и как политика, и как история — о последовательном, гипертрофированном индивидуализме. Его становление было связано с такими

фундаментальными изменениями в основах человеческого мировоззрения, как отход в процессе Реформации от строго теологической интерпретации отношений человека с миром и формированием представлений о мире как о пространстве действия, зависимого не от одного только Бога, но прежде всего и в основном от самого человека. Этот реформационный переворот и привел в итоге к индивидуальным практикам буржуазных собственников, заложивших экономические и социально-политические основы современной исторической реальности. Но его значение именно в таком качестве для данной реальности, думается, несколько преувеличено. Как преувеличенной, а потому и неадекватной природе социальной реальности, оказывается и абсолютизация самого принципа индивидуализма — доведение его до болезненного апофеоза человеческого «Я».

Вслед за А.С. Панариным стоит обратить внимание на то, что М. Вебер, похоже, ошибался в главном своем тезисе: о связи современного общества не столько с переворотом Просвещения, сколько с переворотом Реформации. «Собственно, следовало бы говорить не об одном, а о двух не совпадающих между собой переворотах Нового времени: один вел от реформации к индивидуальным практикам буржуазных собственников, другой — от просвещения к научно-техническим практикам, приведшим к промышленному перевороту. Последний вообще не просматривается на основании логики Реформации, он может найти себе объяснение только на основе логики Просвещения» [2, с. 71]. А на нее стоит обратить особое внимание, поскольку именно она оплодотворяла логику современной научно-технической революции и продолжает лежать в основе всех модернизационных процессов современности. И самое печальное, именно она была проигнорирована российскими реформаторами от августа 1991 г. и уж точно — в двух главнейших своих ипостасях, составляющих наиболее важные уроки Просвещения.

Первый урок. Просвещение сделало науку центральным социальным институтом, ответственным за осуществление всех модернизационных проектов в истории. В современной истории они были успешны в той самой мере, в какой опирались на науку и на ее превращение в непосредственную производительную силу общества. Было проигнорировано мудрое предупреждение классиков: буржуазное общество есть общество только частных собственников, индустриальное — общество, связанное еще и с промышленным применением науки. Соответственно, одно дело — *коммерческое* употребление разума, связанное со спекулятивно-ростовщическими практиками финансового капитала, озабоченного только целями рыночной рентабельности. А другое — *творческое* употребление разума в сфере производства, с его прорывами в глубины материи, рождаю-

щее принципиально новые технологии, революционизирующие производительные силы общества и на их основе — все в обществе и само общество.

Как закономерный итог: во имя требований рыночной рентабельности август 1991 г. стал «осуществлять демонтаж системы просвещения, созданной в советское время (курсив авт.), — буржуазный “секвестр” науки, образования и культуры» [2, с. 70]. Буржуа, создавший идеологию реформ в лице «чикагской школы», выступил как контрреволюционер НТР, как носитель контрпросвещения. Новобуржуазное реформирование в постсоветском пространстве не только увело общество от постиндустриальной перспективы, открытой самой логикой просвещения, но и «увело его к доиндустриальным практикам спекулятивно-ростовщического капитализма» [2, с. 70]. А ведь в условиях современного рыночного отбора новые технологии отдадут любое государство, которое ими не обладает, на милость любого другого государства, которое ими владеет.

Как известно, нашими «младореформаторами» в основу проводимой экономической политики был положен так называемый «Вашингтонский консенсус» — документ, разработанный Министерством финансов США и МВФ, соблюдение основных пунктов которого — приватизации, либерализации цен, внутренней и внешней торговли, жесткой монетарной политики — гарантировало получение международных кредитов. «Эта идеология обещала ее приверженцам во власти быстрое обогащение в результате приватизации, либерализации цен и правового беспредела. Толпы американских советников наводнили наши министерства и ведомства, подсказывали решения и даже кадровые назначения. В одночасье в результате начавшихся реформ обесценились многомиллиардные накопления граждан и появились олигархи, не уступающие по богатству американским», — пишет академик, советник РАН О.Т. Богомолов [4, с. 676].

Анализ кризисных процессов в различных областях жизнедеятельности российского общества позволяет прийти к следующим выводам.

1. Продолжает углубляться *примитивизация* экономики и ее структуры, которая носит сырьевую направленность в силу особенностей «реставрированного» капитализма в России, когда крупная частная собственность в результате приватизации узким кругом лиц значительной доли государственного достояния сосредоточена преимущественно в сырьевых и энергетических отраслях, приносящих наибольшую прибыль. Известно, что основу сверхдоходов составляет эксплуатация минерально-сырьевых ресурсов, которые мы «гоним» за рубеж. К сожалению, спустя двадцать с лишним лет у нас сохраняется созданная в 1990-е гг. экономическая модель, которая направле-

на лишь на извлечение и распределение сырьевой ренты. То есть ВВП растет только за счет нещадной эксплуатации природных ресурсов на фоне устойчивого роста миллионеров и миллиардеров и углубления социально-экономического сверхнеравенства в стране.

Современную иерархию стран мира в рамках нового экономического порядка можно условно разделить на четыре категории стран. «Во-первых, это — “золотой миллиард” (постиндустриальные страны, пользующиеся всеми благами цивилизации, формирующие перспективный технологический уклад, определяющие функционирование мирового рынка, привлекающие внешние ресурсы для своего развития). Во-вторых, “индустриальные доноры” (страны, обеспечивающие мировой рынок технологиями и продукцией, базирующейся преимущественно на результатах исследований и разработок стран “золотого миллиарда”). К третьей категории относятся так называемые “продуктово-ресурсные доноры” (страны, обладающие значительными природными ресурсами, прежде всего углеводородными энергоносителями, и обеспечивающие свое развитие за счет их продажи на мировом рынке, а также за счет реализации собственной продукции, выпускаемой по “отверточной технологии”). И, наконец, страны низшего индустриального порядка (с низким уровнем жизни, неспособные к самостоятельному выходу на траекторию современного развития)» [5, с. 649]. Причем нынешняя Россия относится к третьей категории — «ресурсных доноров», превращаясь фактически в мировой сырьевой придаток.

Однако экономическая политика в нашей стране продолжает базироваться на вере в некую «волшебную силу рынка». Этот рыночный фундаментализм формирует реализуемую политику монетаризма в денежной сфере, политику либерализации цен, политику приватизации и т. д., которая в корне противоположна научным рекомендациям, но выгодна российской элите, представленной крупным бизнесом и властью, а также аппаратом госчиновников.

2. Неолиберальные реформы 1990-х гг. привели российское общество в состояние *деиндустриализации*, способствовали не прогрессу, а регрессу, исчезновению целых отраслей промышленности и науки. В результате в России оказались разрушенными, в первую очередь, высокие технологии, определяющие НТП и технологическую независимость страны. Неудивительно, что Россия занимает лишь 120-е место из числа 139 стран по позициям «внедрение высоких технологий» и «технологичность производства» в рейтинге стран по индексу глобальной конкурентоспособности на 2010–2011 гг. Для преодоления этого отставания необходима форсированная программа восстановления и развития промышленности — реиндустриализация.

Очевидно, что инновации невозможны без соответствующего

развития науки, которую, согласно неолиберальной идее о перемещении академической науки в университеты, под видом «реформ» сознательно продолжают разрушать (прикладную науку мы уже потеряли, теперь уничтожают фундаментальную). Между тем ведущие страны мира не заинтересованы в усилении нашего научно-технического потенциала, так как невыгодно создавать себе в лице России конкурента на мировом рынке по выпуску наукоемкой продукции. В результате Россия становится фактически «сборочным цехом» западной техники, в то время как собственные предприятия банкротятся и закрываются.

3. В 1990-е гг. был широко распространен неолиберальный тезис о том, что собственное сельское хозяйство России не нужно, поскольку оно не способно решить проблему продовольственной безопасности. Ставка делалась на «фермеризацию» страны. Однако эта политика обернулась катастрофическим разрушением отечественного агропрома, в результате чего *оказалась подорванной продовольственная безопасность России*.

Из международной практики известно, что при ввозе до 20 % продуктов питания страна попадает в продовольственную зависимость и может утратить суверенитет. Ныне, как и в 1990 г., более 40 % продовольствия — это импорт. В Москве он составляет почти 80 % [4, с. 680]. Такой характер обеспечения продовольственной безопасности можно обозначить как «нефть в обмен на продукты». Постоянная продовольственная зависимость в любой момент может оказаться настоящей катастрофой для страны. Например, если из-за ситуации вокруг Крыма и Украины наши западные «партнеры» перекроют нам поставки продовольствия или «заморозят» наши валютные активы, Россия со своим двухмесячным импортным продуктовым запасом в одночасье может стать очередным Египтом.

4. Начиная с 1990-х гг. неолиберальные реформы в сфере военного строительства значительно *подорвали оборонный потенциал страны* и привели к снижению боеспособности Вооруженных сил РФ. В значительной степени это объясняется тем, что последние два десятилетия в отечественной военно-политической мысли господствуют неолиберальные концепции (которые продолжают навязывать руководству страны) о необходимости ускоренного военно-политического сближения России и стран НАТО (вплоть до вхождения нашей страны в этот блок) и об отсутствии с их стороны прямой военной угрозы для России. При этом ссылаются на то, что в XXI в. основную военную угрозу для России представляют Китай, локальные военные конфликты и международный терроризм.

Можно выделить два неолиберальных подхода к проведению реформ Вооруженных сил РФ. Первый — это «концепция уклонения»

от прямых вызовов России. Ее сторонники считают, что односторонние политические уступки Российской Федерации должны убедить страны НАТО в миролюбии России; это поможет принять ее в качестве равного им партнера.

На практике реализация такой политики уже привела к постоянному вмешательству во внутренние дела России и ущемлению наших национальных интересов. В нарушение всех договоренностей блок НАТО не только вошел в зону СНГ (которая рассматривалась как зона интересов России), но началось развертывание системы американских ПРО практически у наших границ.

Второй подход основан на монетаризме. Он заключается в том, что военную реформу следует «вписывать в военный бюджет», который не должен выходить за рамки «научно обоснованного процента от ВВП». В реальности данная концепция служит оправданием многолетнего недофинансирования Вооруженных сил РФ, которое привело их к острейшему системному кризису.

Таковы, в самом первом приближении, результаты игнорирования первого урока Просвещения: различия между двумя типами разума, коммерческим и творческим, как и возможность конфликта между ними, в полной мере не были оценены, и возможности дальнейшего научно-технического развития были принесены в жертву коммерческому успеху.

Второй урок Просвещения, проигнорированный августом 1991 г., заключается в том, что Просвещение — это общественная система, входя в которую человек освобождается от фатальных ограничений, накладываемых на него социальным происхождением и неравенством стартовых жизненных условий. Просвещение утверждает одну — и самую главную — корреляцию, сохраняющую возможность вертикальной социальной мобильности, но ставящую ее в полную зависимость от *овладения знаниями*. Современные рыночные реформы в России радикально изменили эту зависимость между образованностью и успехом, резко понизив социальный статус носителей творческого разума — научно-технической интеллигенции по сравнению со статусом коммерческого разума — носителей «рыночной субкультуры», занятых всевозможными теневыми практиками рыночного обмена.

Скажем больше: постсоветские реформаторы, похоже, «ведут дело к подмене мобильности посредством образования рыночной мобильностью, более обязанной не знаниям, а спекулятивным играм обмена» [6, с. 498]. И это на фоне все более сужающегося права на бесплатное образование, что неизбежно возвращает бедных в ситуацию фатально наследуемой бедности. В этом контексте право на образование превращается в несравненно превосходящее по своей ценности все остальные права — свободу слова, партийно-политический плюрализм и другие декоративные игры «республики богатых». В связи с этим сказать, что приватизаторы отняли у народа собственность, — значит сказать слишком мало. Речь идет о большем: об экс-

проприации самих социальных возможностей, заложенных в демократической системе Просвещения. И, судя по разрушительным итогам так называемых реформ, «Россию сегодня уничтожают как страну, овладевшую системой Просвещения и всеми процедурами открытия новых возможностей, с нею связанных» [6, с. 524].

Знаменитая неприязнь либерализма к государству, в условиях России принявшая явно абсолютизированные, а потому и несуразные формы, также имеет глубокие протестантские корни. Протестантский тип человека, находящегося один на один с Богом, безо всяких, институциональных посредников, конвертировался в принцип собственника, находящегося один на один с рынком безо всяких общественных и, прежде всего, государственных подстраховок. Такая ценностная установка, как показала история, продуктивна лишь в определенных условиях и до определенных пределов, за которыми начинаются игры с хорошо различимыми социал-дарвинистскими и расистскими оттенками. Они не просматриваются, если оставаться в плену либеральных идеологических стереотипов и сводить демократию только к свободе критики и индивидуального самоопределения.

Но достаточно поставить простейший вопрос — *какой социальной ценой, за счет кого и чего* должны осуществляться эта критика и это самоопределение, — как все и сразу становится на свои места. Оказывается, за счет всех тех, кто отвергаем принципами рыночного отбора, не способен жить по законам рыночных джунглей и для кого мораль и ее социальные смыслы все еще не пустой звук. Отсюда и стремление «избранников рыночного отбора» остаться один на один с его париями, лишит последних всякой социально значимой инстанции, способной силой государственных интересов призвать к порядку и ответу зарвавшееся социальное хищничество. В этих условиях призывы к государственному невмешательству в социальный и политический исход таких отношений граничат с практиками поддержки скрытого социального террора.

При этом свобода от государства, прокламируемая российскими либералами, приобрела какой-то двойственно-тройственный, точнее — избирательный оттенок. В самом начале «либерального джихада» антиэтатизм стал знаменем разрушения старого общественно-политического строя и его фундамента — советской государственной системы. Но когда речь зашла о распределении главных кусков государственной собственности через процедуры номенклатурной приватизации, о ее удержании и закреплении средствами государства, государство перестало быть только помехой, поскольку в той или иной форме было организатором и соучастником этих процессов.

Во всяком случае, именно те, кто наиболее истово боролись с русским этатизмом, почему-то больше всего и стремились попасть в государственные структуры и овладеть ими. Но как только «процессы» стали близки к завершению, а на повестке дня появились естественные задачи государственного управления, неистовый антиэтатизм вновь

стал знаменем либерального разрушения страны и нации. И это тоже понятно: кому же нужен орган, концентрирующий в себе общенациональные интересы и идеологемы социально ориентированной политики, взыскующий за содеянное и ставящий пределы беспределу, начиная с олигархического и властно-номенклатурного и кончая криминальным. Требуется либеральное «государство-минимум», вся ценность которого в том и заключается, что его почти нет, а потому нет и органа, выстраивающего политику социального баланса интересов всех классов и слоев общества, социально обязывающего и национально мобилизующего, способного защитить нацию в ее истории.

Это по-новому решает проблему соотношения государства и структур гражданского общества, но в любом случае ставит под сомнение либеральную теорию их самодостаточности в современной истории. Реальная история, и особенно опыт новейшего либерального реформирования российского общества, однозначно свидетельствует о том, что стабильное и единое гражданское общество не может существовать иначе, как в качестве партнера единого и стабильного государства. Там, где мало государства, оказывается мало и гражданского общества, и связанных с ним гражданской активности и культуры гражданского участия в делах общества и государства. Место государства занимает от его имени действующая бюрократия, а место структур гражданского общества — финансовая и политическая олигархия, действующая от имени и под видом гражданского общества в своих собственных интересах. «Те, кто разрушают государство, делают проблематичным само существование гражданского общества, нуждающегося в поддержке со стороны государственной инфраструктуры даже в том случае, когда оно давно сформировано» [6, с. 79].

Все сказанное приобретает особое значение для России, которая, в отличие от Запада, имеет дополнительные ментальные источники и самого понятия, и чувства гражданственности, гражданской морали и гражданской мобилизации. Существуют всевозможные научные школы, специализирующиеся на количественной оцифровке значимости разных ценностей социокультурных сред. Все они в отношении России сходятся в том, что ее ценностный облик разительно отличается от ценностного облика Запада. Несмотря на западническую идеологическую инверсию 1990-х гг., аксиологически Россия идет по прямо противоположному по отношению к Западу пути. Происходящие в ней на ценностном уровне процессы можно определить как *ретрадиционализм* и *реколлеktivизм*. И в этом отношении Россия опять-таки, как это и было всегда исторически, предлагает миру аксиологическую альтернативу. Другое дело, что идеологически с позиции политических элит российская альтернативность пока еще четко не артикулируется. Но вопрос об артикуляции новой идеологии России, по-видимому, дело времени.

Восстановление традиций и преодоление гипертрофированной секулярности не означает архаизации и «нового средневековья». Речь

идет о соединении потенциалов инновационного развития и аккумулярованных прежде всего в религиях мира ценностях. И это не утопические мечтания, а актуальный запрос мирового развития.

Итак, выбор идеологии, по сути дела, заключается в определении позиции России в современном мироустройстве. Сложившаяся в настоящее время ярусная модель мироустройства, с нахождением стран «золотого миллиарда» на вершине пирамиды, обрекает Россию в лучшем случае на периферийность, в худшем — на геополитический распад. До последнего времени мы пытались интегрироваться в эту систему, найти в ней свою нишу, занять комфортные позиции. Но западнцентризм и, как следствие, *антироссийскость* были положены в основание самой модели. Чем более Россия интегрировалась в нее, тем более ухудшала свое положение. Встраивание в западный проект означает для России в перспективе *самоликвидацию*. Вопрос о выживании России заключается в выдвигании собственного мирового проекта, россицентричной идеологии, суть которой могла бы быть выражена следующей формулой: «Россия должна быть и должна быть всегда».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Багдасарян В.Э. Государственная идеология как фактор национального суверенитета. *Государственная идеология и современная Россия. Мат. Всерос. науч.-обществ. конф. (Москва, 28 марта 2014 г.)*. Москва, Наука и политика, 2014.
- [2] Демидов А.И. *Учение о политике: философские основания*. Москва, Норма, 2001.
- [3] Соболева С.А. Идеология либерализма: сущность, латентное содержание, результаты реализации. *Государственная идеология и современная Россия. Мат. Всерос. науч.-обществ. конф. (Москва, 28 марта 2014 г.)*. Москва, Наука и политика, 2014.
- [4] Богомолов О.Т. Проблемы использования неэкономического потенциала модернизации. *Вестник РАН*, 2013, № 8.
- [5] Михайлов О.В. Ключевые проблемы и решения модернизации России. *Вестник РАН*, 2013, № 7.
- [6] Панарин А.С. *Стратегическая нестабильность в XXI веке*. Москва, 2003.

Статья поступила в редакцию 25.05.2015

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Соболева С.А. Идеология неолиберализма в России: последствия и перспективы. *Гуманитарный вестник*, 2015, вып. 9.

URL: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/hum/polit/284.html>

Соболева Светлана Анатольевна — канд. филос. наук, доцент кафедры политологии МГТУ им. Н.Э. Баумана. e-mail sobol0401@yandex.ru

New liberal ideology in Russia: Consequences and perspectives

© S.A. Soboleva

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia

The author has analysed the situation in Russia in post-Soviet times against the new liberal principles, gained an insight into the mechanisms underlying the new liberal ideology and worked out the consequences which might ensue should these new liberal mechanisms find their way into Russian economy, policy, social field and spiritual life. The new liberal ideology in Russia can't provide Russia's development as a blooming powerful sovereign State, but helps to bring about decay and degradation. Profound understanding of the Russian values and way of life enables the author to call for the common Russian Russia-centred, Russia based and Russia inspired State ideology and give a solid prove of its being absolutely essential.

Keywords: *State ideology, neo-liberalism, global neo-colonialism, Protestantism, Enlightenment.*

REFERENCES

- [1] Bagdasaryan V.E. Gosudarstvennaya ideologiya kak faktor nacional'nogo suvereniteta [State Ideology as a Booster of the National Sovereignty]. *Gosudarstvennaya ideologiya i sovremennaya Rossiya. Materialy Vserossiyskoy Nauchno-Obschestvennoy Konferentsii (Moskva, 28 marta 2014)* [State Ideology and Modern Russia. All-Russian Scientific Public Conference Materials (Moscow, March 28, 2014)]. Moscow, Nauka i politika Publ., 2014.
- [2] Demidov A.I. *Uchenie o politike: filosofskie osnovaniya* [Doctrine of Politics: Philosophical Basis]. Moscow, Norma Publ., 2001.
- [3] Soboleva S.A. Ideologiya liberalizma: sushhnost', latentnoe sodержanie, rezul'taty realizatsii [The Ideology of liberalism: the Essence, the Latent Content, the Results of Implementation] *Gosudarstvennaya ideologiya i sovremennaya Rossiya. Materialy vsrossiyskoy nauchno-obschestvennoy konferentsii (Moskva, 28 marta 2014g.)* [State Ideology and Modern Russia. All-Russian Scientific Public Conference Materials. Moscow, March 28, 2014]. Moscow, Nauka i politika Publ., 2014.
- [4] Bogomolov O.T. *Vestnik RAN – Russian Academy of Science Bulletin*, 2013, no. 8.
- [5] Mikhailov O.V. *Vestnik RAN – Russian Academy of Science Bulletin*, 2013, no. 7.
- [6] Panarin A.S. *Strategicheskaya Nestabil'nost' v XXI veke* [Strategic Instability in the XXI Century]. Moscow, 2003.

Soboleva S.A., Ph.D., assoc. professor of the Department of Political Sciences at Bauman Moscow State Technical University. e-mail: sobol0401@yandex.ru